18+

Валькирия. На линии выхода

Сергей Самборский

Сергей Самборский

Валькирия. На линии выхода

«Издательские решения»

Самборский С.

Валькирия. На линии выхода / С. Самборский — «Издательские решения»,

Третья книга серии о Кире Скоровской. Девушка — фельдшер машины реанимации, ушедшая по контракту в горячую точку, находит своего без вести пропавшего младшего брата. Путь от ефрейтора до Героя России.

© Самборский С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 17
Глава 5 20
Глава 6 25
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Валькирия. На линии выхода

Сергей Самборский

© Сергей Самборский, 2026

ISBN 978-5-0071-4886-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я открыла глаза, не понимая сначала, спала ли вообще или просто перестала двигаться от усталости. Мышцы икры свело судорогой — заживший шрам на ноге, оставшийся после осколочного ранения, натянулся до предела. Боль пронзила ногу и мгновенно разбудила меня полностью. Туман липкой пеленой облеплял лицо, оседал каплями на ресницах и смешивался со слезами, которые я даже не заметила. Сосны вокруг казались призраками. Ночь выдалась бесконечной: мы шли по азимуту северо-запад, указанному Чабрецом как единственный путь к спасению из котла. Болота под ногами давно превратились из врага в привычную среду обитания — ледяная жижа пропитывала берцы и штаны до самых колен, а холод пробирался сквозь камуфляжную форму прямо к коже. Сашка стоял где-то рядом, но я видела только его силуэт сквозь пелену. Его дыхание было хриплым, срывающимся — он кашлял всю ночь, пытаясь подавить звук, чтобы не выдать нас дронам, которые методично прочёсывали лес сверху. Чабрец сидел чуть позади, прислонившись спиной к толстому корню вывороченной ели. Лицо у него было пепельно-серое; синюшность губ и медленное, поверхностное дыхание говорили о начинающемся переохлаждении лучше любых слов. Рана в плече ныла, отдавая жаром в ключицу. Он держался на ногах только потому, что обязан был вести нас к бурелому — месту, которое было для нас единственным шансом на спасение. Я поднялась, опираясь рукой о ствол дерева. Движение отозвалось болью во всём теле: зажившая икра, затёкшие плечи, ломота в пояснице. Но боль была моим якорем — она не давала провалиться в оцепенение. Холод пронизывал до костей, превращая каждый вдох в пытку: влажный воздух обжигал лёгкие. В нос ударил запах гниющей листвы, мокрой земли и пороха. Запах войны теперь стал частью этого леса так же прочно, как смола хвойных деревьев. Мы были отрезаны от всего мира: батальон остался далеко за гатью, связь не работала, а дроны стали нашими невидимыми преследователями. Компас в руке дрожал вместе со мной. Стрелка показывала верный курс — северо-запад. Бурелом… Это слово звучало как пароль к выживанию, но пока это был лишь ориентир на карте, которую нарисовал мне связист перед боем.

— Отдых окончен, — прошептала я, хотя знала, что бойцы сами понимают необходимость движения. Тишина здесь становилась опаснее любого шума: она означала, что враг знает наше примерное местоположение и ждёт, когда мы выдадим себя сами.

Колонна медленно пришла в движение. Берцы чвакали в грязи, выдавливая из неё ледяную воду. Каждый шаг требовал концентрации: одно неверное движение — и можно провалиться в трясину по пояс. Ветви царапали лица, оставляя тонкие красные линии на щеках. Глаза слезились от холода и недосыпа. Мы двигались цепочкой, растянувшись метров на двадцать. Двадцать метров — слишком много, но если идти плотнее, мы будем спотыкаться друг о друга, а каждый звук сейчас опаснее, чем растяжка. Бойцы шли молча, экономя силы. Сашка шёл вторым номером, готовый прикрыть отход или поддержать раненого. За ним следовали остальные: контузии, мелкие раненые, те, кто ещё недавно танцевали у костра с артистами, — сегодня они превратились в ходячие тени. Гул дронов стал привычным фоном, как шум дождя, который не замечаешь, пока он не стихнет. Иногда они пролетали так низко, что ветки над головой содрогались от вибрации пропеллеров. Но сейчас небо казалось пустым. Или они просто ждали… Идти приходилось зигзагами, выбирая редкие островки твёрдой земли. Под мхом скрывались глубокие лужи, покрытые тонкой коркой льда. Один из бойцов поскользнулся, едва не упав лицом в грязь. Я автоматически протянула руку, чтобы помочь ему подняться, но тут же одёрнула её — каждое лишнее движение могло стоить нам всем жизни. Ледяной ветер пробирал до костей. Пальцы на руках потеряли чувствительность, несмотря на перчатки. Я чувствовала, как мои собственные веки тяжелеют от усталости, но моргнуть означало потерять концентрацию. Нужно было идти дальше, метр за метром, углубляясь в сердце этого прокля-

того леса. Где-то впереди, за стеной тумана, должно быть то самое место, о котором говорил Чабрец. Бездна, которая либо поглотит нас, либо станет нашим спасением. А пока мы просто шли, стараясь не оставлять следов, которых хватило бы для тепловизора вражеских дронов. И именно в тот момент, когда я сделала очередной шаг вперёд, земля внезапно ушла из-под моей правой ноги. Я провалилась в ледяную жижу до колена. Холод ударил по нервам с такой силой, что на секунду я потеряла равновесие и едва не упала лицом вперёд. Я стояла, балансируя, словно птица на ветке, пытаясь понять глубину под собой. Ботинок чвакнул, когда я осторожно вытащила его обратно: грязь густо облепила подошву, а вода стекала мутными струйками вниз.

— Валькирия! — Сашка резко развернулся, готовый броситься мне на помощь. В его голосе слышался панический надрыв.

Я подняла руку, останавливая его жестом. «Не двигайся», — сказала я одними губами, стараясь говорить беззвучно. Любой лишний шум мог привлечь внимание дронов, которые периодически проносились над лесом. Я опустилась на корточки, всматриваясь в болото перед собой. Это был не просто грязевой слой; под ним скрывалось нечто более опасное. Тонкий мох покрывал небольшие лужицы, создавая иллюзию твёрдой поверхности. Корни деревьев, выступающие из грязи, напоминали кости давно умерших гигантов. Мох, который сверху выглядел сухим и надёжным, при ближайшем рассмотрении оказался скользким ковром, готовым предать в любой момент. «Это трясина», — поняла я. Не глубокая топь, где можно утонуть мгновенно, а хитрая ловушка, которая заманивает тебя ложной твёрдостью земли. Мой провал стал уроком для всей колонны. Я встала, опираясь рукой о ствол сосны. Дрожь пробежала по телу, но это было не только от холода — адреналин хлестал через край. Нужно было действовать быстро.

— Стой! — прошептала я, поднимая руку вверх. Колонна замерла цепочкой, бойцы напряглись, ожидая команды. Даже Чабрец остановился, хотя его лицо оставалось бледным и сосредоточенным. Я показала пальцем на место своего падения:

— Здесь опасно. Видите этот мох? Он обманчивый. Под ним пустота. Идите след в след за мной. Только там, где я наступаю.

Сделав шаг назад, я начала прокладывать новый путь. Каждый метр давался с трудом. Нужно было найти точки опоры: корни деревьев, сухие ветки, редкие островки сухой земли. Я шла зигзагообразно, проверяя каждый следующий шаг палкой, которую нашла среди валежника. Если палка уходила глубоко, я делала крюк. Болотная вода просачивалась сквозь швы берцев, остужая и без того уже замёрзшие ноги. Ноги будто уже не принадлежали мне полностью — они стали чужеродным придатком, который реагировал болью на каждое движение. Но эта боль держала меня на ногах, не давая отключиться. Чабрец шёл позади меня, метрах в пяти. Его левое плечо, перебинтованное после боя на высоте, висело плетью. Но он упорно шёл, стиснув зубы. Иногда он спотыкался, и тогда я видела, как его губы беззвучно шевелятся. Два бойца из первой роты замыкали колонну. Они шли медленнее всех, постоянно оглядываясь назад. Их задача была критической: они должны были следить, чтобы никто не отстал и не попал в засаду с тыла. Хотя мы не видели ни одного живого противника со вчерашнего дня, все знали, что дронам достаточно обнаружить нас, чтобы вызвать пехоту или артиллерийский огонь. Гул моторов снова прорезал тишину леса. На этот раз звук был ближе. Мы все инстинктивно прижались к земле, сливаясь с растительностью. Палец сам лёг на скобу пистолета Макарова, висящего на ремне, и я тут же одёрнула руку: лишний щелчок мог стоить нам всех. Дроны пролетели выше крон деревьев, их камеры методично сканировали местность. Туман помогал нам маскироваться, но он же мешал видеть и нам самим. Когда гул затих вдали, я дала команду двигаться дальше. Мы прошли всего несколько сотен метров, но казалось, что прошла целая вечность. Каждая капля воды, попадающая внутрь берца, становилась новым испытанием. Каждое дерево, мимо которого мы проходили, могло быть последним укрытием.

И вдруг впереди, сквозь туман, проступили очертания чего-то необычного. То, что должно было стать нашим спасением…

Я осторожно подняла руку, подавая сигнал «стоп». Отряд замер цепочкой, сливаясь с серым утренним светом. Бурелом из поваленных деревьев возвышался перед нами сплошным ковром. Это был не обычный валежник: стволы легли крест-накрест, образовав арки высотой под два метра. Древесина под сухой корой давно высохла и превратилась в камень от времени; она не сгнила, а будто окаменела, сохранив свою прочность. Сашка первым заметил разницу между этим буреломом и обычным лесным валежником. Он шагнул вперёд, пнул берцем по земле у основания одного из стволов. Привычного чваканья не было, и он не провалился глубже щиколотки. Под мхом скрывалась твёрдая земля.

— Здесь можно пройти, — прошептал он, уже доставая нож для проверки грунта впереди.

Мы вошли внутрь медленно, змейкой. Сашка шёл первым, проверяя каждый шаг палкой. Иногда его сапог нащупывал пустоту между корнями, но всегда находил опору неподалёку. За мной третьим следовал Чабрец. Несмотря на рану плеча, он держался прямо, хотя его лицо оставалось бледным. Отряд растянулся цепочкой. Бойцы шли молча, экономя дыхание. Каждый звук здесь казался оглушительным: скрип берцев о сухую древесину, шорох веток, которые задевали наши камуфляжные плащи-палатки, облепленные листьями для маскировки. Тоннели между стволами ветвились, словно лабиринт. Иногда нам приходилось протискиваться боком, чтобы обойти особенно плотное сплетение корней. Но чем дальше мы заходили, тем более упорядоченным становился этот хаос. И вдруг перед нами открылась поляна. Это была не открытая лужайка, а будто большая пещера, ограниченная стенами из сухих стволов. Земля здесь была сухой, покрытой толстым слоем давно опавшей и высохшей хвои, которая пружинила при каждом шаге. Лучи солнца проникали сюда лишь тонкими полосками света, создавая причудливые тени. Воздух пах смолой, сухими иглами и покоем. Чабрец остановился первым. Он опёрся здоровой рукой о ближайший ствол и закрыл глаза. На мгновение мне показалось, что он сейчас потеряет сознание, но он справился. Когда он открыл глаза снова, я увидела в них странный блеск — не боль или усталость, а что-то другое, будто знание. Бойцы начали опускаться на землю, не дожидаясь приказа. Кто-то сразу начал массировать ноги, пытаясь вернуть чувствительность замёрзшим пальцам на ногах. Другие осматривались, ища возможные выходы из этого тоннеля. Я сделала несколько шагов вперёд, внимательно изучая пространство. В узких просветах между стволами пробивался дневной свет. Я поняла, что мы находимся внутри огромного природного купола. Дроны могли пролетать над этой крышей сотни раз и никогда бы нас не заметили. Кто-то из бойцов прислонился спиной к стволу дерева и тихо застонал. Его пальцы дрожали, когда он пытался стянуть промокший берц. Другой боец достал флягу, сделал глоток и тут же передал её соседу. Вода капала на сухие хвойные иглы, издавая тихий, успокаивающий звук. Внезапно Сашка поднял руку, призывая всех замолкнуть. Мы все инстинктивно втянули головы в плечи, прислушиваясь. Где-то высоко над нашими головами раздался едва слышимый гул моторов. Дроны? Или просто ветер играет среди верхушек живых сосен снаружи? Невозможно было сказать наверняка. Гул стих так же внезапно, как и появился. Я глубоко вдохнула воздух, пропитанный запахом смолы. Усталость давила на плечи свинцовой плитой, но здесь, под защитой этих древних деревьев, впервые за сутки я почувствовала себя в относительной безопасности.

— Привал, — сказала я негромко, но достаточно громко, чтобы все услышали. — Полный отдых. Высушить носки, берцы. Кто ранен — все ко мне. Сашка, возьми двоих и осмотри ближайшие тоннели. Нам нужно знать, есть ли тут другие выходы. Далеко не отходите.

Приказ был встречен благодарными взглядами. Отряд рассыпался по поляне, занимая места. Кто-то прислонился спиной к стволу дерева, закрыв глаза. Кто-то осторожно стягивал берцы, морщась от боли в натёртых ногах.

Глава 2

Едва я отпустила колонну на привал, тело будто предало меня. Покинуть границу сознания оказалось проще, чем сделать шаг: стоило прислонить спину к мокрой, пахнущей смолой коре вывороченной сосны, как провода в голове оборвались напрочь. Никаких снов, никаких мыслей — абсолютная, вязкая пустота, в которую проваливаешься, как в глубокую сухую перину. Мышцы, сутками державшие напряжение под угрозой свинца и гула моторов, разом обмякли, став ватными. Сколько прошло времени — десять минут или полчаса — понять было невозможно. Кто-то аккуратно, но настойчиво тронул меня за плечо. Я с трудом разлепила веки. Ресницы слиплись от замерзшей утренней сырости, перед глазами всё плыло серой мутью, а в голове гудело так, будто по черепу били деревянной колотушкой. Сашка сидел рядом на корточках. Лицо у него было серым, с глубокими тенями под глазами, но в уголках рта едва заметно теплилось подобие усталой улыбки.

— Вставай, Валькирия, — негромко позвал он, кивнув в сторону импровизированного очага. — Обед поспел. Надо поесть, пока тихо.

Я кашлянула, с трудом сглатывая пересохшую, будто наждачной бумагой натёртую глотку. Тело казалось чужим, деревянным. Ноги не хотели разгибаться, а в пояснице тупо ныло от ночного марша по болотной жиже. Кое-как опираясь ладонями о корни, я поднялась, чувствуя, как суставы хрустят сухим щелчком. Пока я спала, пацаны обжили это странное укрытие. Замкнутый контур из скрещенных, окаменевших от времени стволов работал как гигантский фильтр: здесь почти не ощущался пронизывающий октябрьский ветер, а густой полумрак рассеивался лишь тонкими золотистыми нитями света, пробивающимися сквозь толщу переплетённых ветвей. В самом центре этой деревянной пещеры, у основания мощного комля, кто-то уже развёл крошечный, почти бездымный очажок из сухой сосновой коры. Запах стоял такой, от которого в желудке мгновенно закрутило тугой, болезненный узел слюноотделения. Никакой сырости, никакого пороха или болотного гниения — густой, пряный, мясной дух армейской тушёнки, смешанный с ароматом свежих лесных грибов и лаврового листа. У самого костра на расстегнутой плащ-палатке сидели несколько бойцов. Один из них, аккуратно срезая ножом с мёртвой берёзы широкие, мясистые шляпки осенних вешенок, тут же бросал их в закипающий алюминиевый котелок.

— Откуда грибы? — хрипло спросила я, подходя ближе и опускаясь на расстегнутый край сидора.

— Да тут на каждом втором стволе гроздья висят, — не оборачиваясь, ответил Сашка, помешивая щепкой варево в котелке. — Живые, крепкие, морозом ещё не прихватило. Мы с парнями проверили — чистые вешенки. А чуть в стороне, у корней, родник нашли. Вода — чистейшая слеза, даже кипятить особо не надо было.

Я протянула руки к теплу, исходящему от тлеющих угольков. Кожа на пальцах была красной и скрюченной от холода, но сейчас в них медленно возвращалась жизнь, покалывая тысячами невидимых иголок. Рядом кто-то тихо звякнул ложкой о край кружки. Парни сидели молча, экономя дыхание, но в этом молчании уже не было той злой, звериной напряжённости, что гнала нас всю ночь по болоту. Напряжение спало. Ребята осознали главное: здесь, под этим мощным трёхметровым настилом из сухих стволов, дроны нас не увидят. Тепловизоры не пробьют толщу окаменевшей древесины и прелой хвои, а сверху мы выглядим просто как очередной завал в глухом лесу. Сашка снял котелок с угольков, закинул туда раскрошенные пресные хлебцы из сухпайка и налил мне в армейскую кружку густой, наваристой похлёбки.

— Держи, Валькирия. Горячее.

Я обхватила алюминиевые края кружки обеими ладонями, впитывая пальцами спасительное тепло. Первый глоток обжёг язык, но вместе с ним по всему телу разлилась тяжёлая,

успокаивающая волна. Тушёнка с грибами и разбухшими хлебцами казалась сейчас самым вкусным блюдом на свете. Вокруг нас отряд медленно оживал. Кто-то, наконец стянув мокрые насквозь берцы, с наслаждением шевелил побелевшими от воды пальцами ног, развешивая влажные шерстяные носки на сухих сучьях. Другие тихо переговаривались вполголоса, передавая друг другу флягу с родниковой водой. Никто не спешил. Люди наслаждались этой редкой, вырванной у смерти паузой, когда можно было просто посидеть, не вслушиваясь в свист пуль и не ожидая с неба нового удара. Ложки с тихим, сухим звоном скоблили дно алюминиевых кружек и котелков. Пар от горячей похлёбки с тушёнкой и вешенками медленно поднимался к деревянному куполу, растворяясь в сплетении сухих ветвей и старых стволов. Напряжение, державшее отряд всю ночь, постепенно вымывалось вместе с этим горячим наваром. Пацаны сидели, поджав ноги, упершись спинами в сухие стволы, и впервые за долгое время обменивались не отрывистыми командами, а бытовыми, негромкими фразами.

— Посолить бы ещё чуть-чуть, — негромко проговорил боец из третьей роты, вытирая ложку о край плащ-палатки. — Совсем бы ресторан вышел.

— Соли тебе ещё, — хмыкнул Сашка, зачерпывая со дна разбухший от кипятка сухарь. — Скажи спасибо, что родник без ила попался. А то пили бы из лужи с ряской, как вчера.

По отряду прошёл тихий, сдавленный смешок. Никто не хохотал во всё горло, все прекрасно понимали, где находятся, но возможность просто оскалиться и подначить соседа возвращала людям человеческий вид. Лица, ещё утром серые от копоти и морозного застывшего пота, постепенно оттаивали. Один из бойцов нашей роты, осторожно дуя на горячую юшку в кружке, качнул головой и улыбнулся:

— Дед бы сейчас точно затылок намылил за грибы эти. Сказал бы: «Вы бы ещё мухоморов здесь наварили, вояки. Поварня на выезде…»

Фраза повисла в воздухе. Смешок на противоположной стороне очага мгновенно заглох. Стук ложек о металл прекратился разом. Боец, высказавший это, замер, глядя в свою кружку, и губы у него беспомощно дрогнули. Он только сейчас осознал, что ляпнул по привычке. Тишина повисла, как мокрая ткань. Тяжёлая, липкая. Слышно было только, как в углах купола из-под вывернутых корней падает редкая вода — кап… кап… Сверху, за толщей сухих сосен над головой, по-прежнему гудел в кронах ветровой поток, но здесь, внизу, все сидели неподвижно. Заново навалилось осознание: Деда нет. И Утёса нет. И Кочегара. Все те, кто месяцами держал на себе роту, остались там, на хребте и на сгоревшей гати. Сашка первым кашлянул, опустил ложку в котелок и тихим, ровным голосом произнёс:

— Дед бы сказал: «Ешьте, пока дают. Впереди дорога не из лёгких».

Остальные так же молча кивнули. Стук ложек возобновился, но разговор больше не клеился. Память о тех, кто остался за спиной, легла на плечи не паникой, а сухой, жёсткой ответственностью. Я допила последние капли из кружки, вытерла губы тыльной стороной ладони и отставила посуду на сухую хвою. Пора было за работу.

— Чабрец, — позвала я, поворачиваясь к краю нашей площадки. — Иди сюда.

Чабрец сидел у комля берёзы, прижав правую руку к груди. Левое плечо, плотно укутанное моим бинтом поверх кителя, казалось неподвижным. Он поднял на меня глаза, попытался изобразить равнодушие:

— Да ладно, Валькирия. Не горит. Дай пацанам поесть нормально.

— Я сказала — иди сюда, — не допускающим споров тоном повторила я, расстёгивая молнию медицинского рюкзака. — Сел.

Чабрец тяжело поднялся, чуть пошатываясь, подошёл и опустился на сухие иголки рядом со мной. Лицо у него было пепельного цвета, а губы сохраняли синеватый оттенок. Суточный переход по холодному болоту с ранением и большой кровопотерей выпил из него почти все силы. Он держался на одной только командной жилé, чтобы не обузить остальных. Я выхватила изогнутые медицинские ножницы и быстро располосовала промокший бинт. Рана на плече

выглядела паршиво, но без гноя. Запёкшаяся кровяная корка прикрывала края раны, не давая ей открыться при движении. На морозном чистом воздухе под куполом рана подсохла, но плечо сильно отекло.

— Держись, — шепнула я, доставая из укладки флакон с хлоргексидином.

Я щедро залила рваные края антисептиком. Чабрец лишь зубы сжал так, что желваки на скулах ходуном ходили, но не издал ни звука. С его лба на сухую листву упали две крупные капли пота. Я быстро засыпала рану гемостатическим порошком, прижала стерильной салфеткой, чтобы порошок не осыпался, и начала плотно, виток за витком, заматывать плечо новым бинтом из запаса. Из ампулы набрала в шприц обезбол и антибиотик, вогнав иглу ему прямо в здоровое бедро.

— Совсем плохо? — негромко спросил Чабрец, когда я давила поршень.

— Жить будешь, — ответила я, завязывая узел на бинте. — Если глупостей делать не будешь и не побежишь впереди паровоза. Ты мне нужен целый, Чабрец. Пацанам ты нужен. Понял?

Он взглянул на меня, суховато ухмыльнулся бескровными губами и кивнул:

— Понял, Валькирия. Буду жить.

Пока я убирала ампулы обратно в укладку, отряд занимался своим делом. Парни без лишних уговоров перешли к той мелкой, жизненно необходимой рутине, которая сохраняет сапоги и ноги. Кто-то, разобрав автомат, ветошью прочищал от болотной грязи затворную раму. Кто-то аккуратно вывешивал над тлеющими углями промокшие портянки и подшлемники, следя, чтобы ткань не обуглилась. Всё делалось наощупь, без лишнего шума, с той суровой сноровкой, которая вбивается в человека месяцами передка. Я подхватила свои промокшие шерстяные носки и тихо отошла в глубь укрытия, подальше от дымящего очага и негромко переговаривающихся пацанов. В дальнем углу нашего деревянного купола, под гигантским вывернутым комлем сосны, из-под скального выступа бил чистый родник. Ледяная вода вытекала из узкой щели, собиралась в небольшой естественной чаше между валунами и тихо уходила шуршащим ручейком в темноту, под слой слежавшейся хвои. Я опустилась на колени прямо на прохладные камни у воды. Сбросила кожаные митенки. Руки были вымазаны в чёрной липкой смеси сосновой смолы, прелой земли и подсохшей запёкшейся крови. Я погрузила ладони в прозрачную родниковую воду. Обжигающий мороз ледяной струи ударил по пальцам так, что сводило суставы. Кожа моментально побелела, но вместе с этой острой, трезвой болью из башки выветрилась последняя липкая муть снотворного оцепенения. Я скребла ладони о шершавый край гранита, вымывая въевшуюся в трещины грязь и чужую кровь. Затем принялась за носки. Отжала мокрую плотную шерсть, прополоскала в проточной воде, выбивая болотную жижу, и тщательно отжала до последней капли. Пальцы на руках от холода почти перестали гнуться, но внутри установилась звенящая, злая ясность. Постиранные носки я повесила на плечо кителя. Опустилась спиной на сухой, покрытый выцветшим мхом корень сосны и вытянула уставшие ноги. Из внутреннего кармана кителя достала компас Деда. Тяжёлый металлический корпус лежал на ладони прохладным, надёжным бруском. На полированной крышке темнели глубокие царапины от застёжек разгрузки — Дед носил его с собой годами. Я щёлкнула защёлкой. Под защитным стеклом в полумраке купола чуть вибрировала стальная стрелка. Зелёные фосфорные точки на делениях и кончике стрелки едва заметно светились в сумерках. Я закрыла глаза, упершись затылком в шершавую кору, и начала мысленно выкладывать пройденный путь. Вся картина вчерашнего ада и сегодняшнего ночного марша начала собираться в единую, сухую карту. Засада на гати. Сгоревшие БТРы. Наш рубеж на гребне. Вчера, когда враг навалился на нас со стороны просеки, они не просто вели огонь. Они действовали по стандартной тактической схеме выжимания: с запада нас подпирали непроходимые завалы, с востока — замерзающее болото с тонкой ледяной коркой, где пехота тонет без шансов. Единственный коридор, куда нас могли вытолкнуть, чтобы не входить в лобовой контакт в зелёных зарослях, — был

этот направление. Я открыла глаза и снова взглянула на фосфорную стрелку. Северо-запад. Рельеф этого леса был устроен как гигантская воронка. Любая пехотная группа, зажатая в том секторе у замерзающего ручья, при отходе без тяжёлой техники естественным образом скатывалась ровно по этой линии. Справа скалы и топь, слева простреливаемая гать — ноги сами несут человека по единственному сухому уклону. И этот уклон неизбежно упирался именно сюда. В этот древний, огромный Бурелом, скрытый от любых глаз. Меня словно током ударило. В груди перехватило дыхание, а по спине прошёл острый, горячий мороз. Февраль. Тот бой у замёрзшего ручья за Сосновым яром, о котором говорил Кочегар и пацаны Чабреца. Димка и его разведгруппа были зажаты ровно в том же квадрате. Их загоняли точно по этой же схеме. Наступала зима, снег лежал метром, болота стояли под льдом… Я вспомнила слова Кочегара: «Они выжимали нас ровно по этому уклону». И теперь, глядя на стрелку, я видела ту же схему. Если Димка выжил в том февральском аду, если он смог разорвать контакт и уйти — он не мог пойти никуда иначе! Он не мог переплыть ледяную топь, не мог прыгать со скал. Он шёл ровно по этой же русловой воронке. Он прошёл именно здесь. Через этот самый Бурелом. Я сжала компас Деда в кулак так, что стальные края въелись в ладонь. Это не была слепая надежда или девичья вера. Это была сухая, железобетонная военная логика. Я не просто плутала с сорока пятью бойцами по безымянной тайге, спасаясь от ИИ-дронов. Я шла ровно по Димкиным следам. Шаг в шаг. Во мне что-то встало на место. Исчезла тупая усталость, ушёл страх перед неизвестностью. Появилась цель — чёткая, прямая, как стрелка этого компаса. Я спрятала компас Деда во внутренний карман, подтянула ремень кобуры с ПМ на поясе и поднялась на ноги, чтобы устроить себе ложе для сна.

Глава 3

Утренний свет пробивался сквозь плотное переплетение вековых стволов тусклыми, пыльными лучами. Здесь, в глубине бурелома, время словно остановилось. Снаружи, где-то над двухметровым куполом из старой древесины, бушевал ветер, но внутри стояла почти мёртвая тишина, нарушаемая разве что редким шорохом осыпающейся хвои. Сашка вернулся одним из первых. Он двигался осторожно, не теряя концентрации даже после ночного сна. В руках он держал несколько тушек — серых и вполне упитанных для этого времени года зайцев. На его лице, перемазанном землёй и остатками вчерашней маскировки, читался самый обычный, почти мальчишеский азарт.

— Валькирия, глянь, — прошептал он, опуская добычу на расстеленную плащ-палатку. — Сработали петли. И ведь сидели же почти под самым носом.

Я приподнялась, чувствуя, как затёкшие мышцы отзываются ноющей, но уже не острой болью. Проволока, которую пацаны нашли друг у друга с вечера, сослужила отличную службу. В этих естественных лазах под поваленными соснами зверьё ходило по своим проторённым тропам, даже не подозревая, что сегодня их ждёт не вкусный корешок, а петля. Вокруг нас начали собираться остальные бойцы. Кто-то, сбросив берцы, жадно растирал озябшие ступни, кто-то пересчитывал оставшийся боекомплект, но при виде зайцев все потянулись к центру. Взгляды ребят теплели. После холодных ночей в болоте, после гари и порохового угара вид свежей еды действовал на них лучше любой мотивации. Деревенский парень, который ставил петли, споро взялся за работу. Его нож, узкий и острый, работал с точностью хирурга. Шкурки снимались одним движением, обнажая бледно-розовое, чистое мясо. Потроха тут же отнесли в дальний угол и глубоко прикопали в сырую землю, подальше от нашего очага.

— На углях надо, — подал голос кто-то из первой роты. — В глину закатать, как дед мой учил. Тогда всё внутри останется, ни капли сока не потеряем.

Азарт охватил всех. Солдаты спорили о способах запекания так, будто решали вопрос стратегического отступления. Кто-то нашёл кусок старого брезента и обтирал им котелок, другие тщательно подготавливали угли, выкладывая их в подобие печи. Пахло смолой, прелой корой и предвкушением сытной еды. Когда куски мяса, облепленные хорошим слоем глины, закопали в горячие угли, началось ожидание. Это было странное, почти забытое чувство покоя. Мы сидели в полумраке, прислонившись к стволам, которые помнили ещё прошлый век, и просто ждали. Минут через сорок Сашка осторожно разрыл угли. Он разломил запёкшуюся глину, и готовое мясо пахнуло так, что горло перехватило. Мясо было идеальным — нежным, отходящим от кости, напитанным собственным соком. Сашка подцепил ножом самый крупный, сочный кусок — заднюю ножку, ещё дымящуюся от жара, и не раздумывая, протянул мне на куске чистой бересты.

— Держи, Валькирия. Это тебе. Ты вчера больше всех нас на себе вытащила.

— Давай делить на всех, — я попыталась отодвинуть угощение, чувствуя, как щёки заливает краска. — Чабрецу отдайте, он раненый.

— Перестань, — жёстко, по-командирски сказал Чабрец, сидящий в двух метрах от меня. Он прислонился к сосне, его лицо было бледным, но глаза смотрели ясно. — Тебе сейчас силы тоже нужны, тут на всех хватит. Ты наш единственный медик. Если ты упадёшь — мы все здесь ляжем. Бери.

Ребята согласно закивали. В их глазах не было жалости, только признание. Для них я давно уже перестала быть просто «девчонкой с аптечкой». Я была тем, кто шёл с ними через ледяную жижу и не бросил, когда запахло смертью. Я взяла бересту. Горячее мясо обжигало пальцы, но это было самое приятное тепло за последние дни. Я откусила кусочек — оно таяло во рту. Мы ели молча, торопливо, стараясь не ронять ни крошки, впитывая в себя эти минуты

тишины, зная, что, когда закончится этот привал, нас ждёт долгая и очень непростая дорога. Горячий, жирный сок стекал по пальцам, но никто не обращал на это внимания. Обычная, привычная жизнь с её аккуратностью осталась где-то там, далеко за пределами этого леса. Нам нужно было просто выжить, а для этого требовался калорийный, горячий кусок. После зайчатины, запитой холодной родниковой водой из котелка, на отряд навалилась густая, тяжёлая лень. Тело, получившее нормальную еду, окончательно отказалось верить в опасность. Бойцы расселись вдоль сухих стволов: кто-то вытянул гудящие ноги, кто-то прислонился затылком к шершавой коре, закрыв глаза. Разговоров почти не было. После нежного мяса все просто сидели, впитывая недолгое, вырванное у войны тепло. Я доела свой кусок, вытерла пальцы о пучок сухой хвои и подтянула к себе медицинский рюкзак.

— Чабрец, давай сюда, — негромко позвала я.

Он даже не попытался спорить. Медленно, берегя повреждённую руку, перебрался ближе к моему лежбищу и тяжело опустился на колени. Лицо его после горячей еды чуть посвежело, пропала та смертельная, пепельная бледность, но в глазах по-прежнему стояла глубокая, застарелая усталость.

— Как плечо? — спросила я, расстёгивая молнию укладки.

— Ноет, — коротко ответил он. — Но не дёргает. Значит, гноя нет.

Я аккуратно размотала вчерашний бинт. Ткань присохла к краям раны, и мне пришлось обильно полить её хлоргексидином, чтобы не сорвать свежую корку. Рана выглядела жёстко: осколок от «вога» пробил дельтовидную мышцу навылет, оставив рваный входной канал и аккуратный, но глубокий выход со стороны лопатки. Мышца была серьёзно повреждена. Руку он ещё долго не сможет поднимать как раньше, но воспаления действительно не было. Ледяная вода и ночной морозец сделали своё дело — притормозили инфекцию.

— Рукой пошевели, — скомандовала я.

Чабрец чуть повёл локтем, скрипнул зубами, но выдержал.

— Пальцы чувствуешь?

— Чувствую. Мизинец только немеет слегка.

— Значит, нерв задело, но не перебило, — констатировала я, обрабатывая края раны раствором, стараясь не выдать, насколько это хороший знак. — Жить будешь. Но стрелять с этой руки пока забудь.

В укладке был только стрептоцид — я густо засыпала края раны, зная, что это не панацея, но хоть какая-то защита в этих условиях. Потом наложила свежую стерильную салфетку и начала туго заматывать плечо, фиксируя руку через грудь, чтобы уменьшить нагрузку на сустав. Чабрец молчал, только дыхание его становилось отрывистым, когда бинт слишком плотно давил на повреждённую мышцу. Пока я латала Чабреца, остальной отряд постепенно втягивался в ту мелкую, почти инстинктивную рутину, которая сохраняет солдату жизнь в любых условиях. Сашка, расположившись у тлеющих углей, разбирал свой автомат. Ствольная коробка, забитая болотной ряской и мелким песком, требовала чистки. Он медленно, сноровисто протирал затворную раму промасленной ветошью, вынимал из магазина патроны, протирал каждый сухой тряпкой и заталкивал обратно. Металлические щелчки звучали в полумраке бурелома сухо, ритмично, успокаивающе. В двух метрах от него двое пацанов из первой роты занимались обувью. Они разулись, аккуратно очищали ножами налипшую на берцы глину и сушили промокшие стельки, держа их на безопасном расстоянии от углей, чтобы кожа не съёжилась и не лопнула. Промокшие, не высохшие за ночь шерстяные носки висели на сухих сучьях над огнём, и от них поднимался едва заметный, витой парок. Под этой толщей старых стволов образовался свой отдельный мир. Внешний шум — гул ветра в верхушках, далёкий треск веток — сюда почти не проникал. Отряд восстанавливал силы. Не было паники, не было суеты. Каждый понимал: этот привал — последняя возможность привести себя и оружие в порядок перед тем, как мы снова выйдем на марш.

— На, выпей, — я протянула Чабрецу таблетку антибиотика и остатки воды из фляги.

Он проглотил не глядя, вытер губы рукавом и посмотрел на меня.

— Куда дальше, Кир?

Я застегнула медицинский рюкзак, проверяя на ощупь укладку. Тишина вокруг была не пустой, а наполненной: кто-то тихо дышал, кто-то шевельнул ногой, кто-то щёлкнул затвором. И в этой тишине я поняла: сейчас самое главное — не спешить.

— Дальше — по тоннелям, — тихо ответила я, кивнув вглубь завала. — Наружу не лезем. Пока этот бурелом идёт по нашему азимуту, будем идти под ним. А там видно будет. Но сейчас пока отдыхаем, всем силы нужны.

Чабрец коротко кивнул, соглашаясь. Он понимал без лишних слов: пока у нас есть эта крыша над головой, мы неуязвимы для их «птичек». А сил нам потребуется ещё немало. Сашка поднялся, вытер рукавом масляные пальцы после чистки затвора и поманил пальцем двух бойцов из первой роты. Они без лишних слов подхватили автоматы, проверили защёлки магазинов и тихо, на носках, двинулись в глубь завала — туда, где между сплетёнными комлями сосен уходила во тьму широкая промоина. Я осталась у родника, следя за их уходом. Внутри бурелома властвовал полумрак. Ветви и мощные, старые стволы переплетались на высоте двух-трёх метров, образуя плотную, словно вытесанную из камня крышу. Дневной свет пробивался насквозь лишь редкими, узкими пыльными нитями, в которых медленно кружилась мелкая древесная труха. Отряд отдыхал. После горячего обеда и перевязки в укрытии наступила та самая густая, целительная тишина, которой мы были лишены все последние дни. Кто-то заснул прямо у огня, положив бронник под голову и поджав ноги к теплу тлеющих углей. Другие тихо переговаривались полушёпотом, рассматривая натёртые мозоли или перебирая затворы. Никто не рвался наружу. Опыт каждого подсказывал: там, за стеной этого природного купола, гуляет холодный октябрьский ветер и прочёсывают кроны ИИ-дроны, а здесь была сухая земля, тепло и безопасность. Я достала из внутреннего кармана кителя компас Деда. Щёлкнула металлическая крышка. Под защитным стеклом качнулась тонкая стальная стрелка. Затенённый ладонью циферблат тускло светился в полумраке зелёными фосфорными точками. Я сверила азимут: северо-запад. Стрелка чётко указывала вдоль русла подёрнутого льдом родникового ручья, уходящего как раз туда, куда ушёл в разведку Сашка. Прошло минут сорок. Из тёмного провала между вывернутыми корнями показались силуэты. Сашка шёл первым, пригнувшись под низким сосновым бревном. Автомат он держал на ремне, ствол смотрел в землю. На лице разведчика не было тревоги — наоборот, в глазах теплилось уверенное, спокойное удовлетворение. Он подошёл к ручью, недалеко от моего лежбища, опустился на одно колено и зачерпнул из него полные ладони холодной воды. Умыл лицо, сгоняя утреннюю грязь, и вытерся рукавом.

— Что там? — тихо спросила я, убирая компас.

— Ход есть, — шёпотом доложил Сашка, нагибаясь к самому уху. — Настоящий подземный коридор. Мы прошли по нему метров пятьсот вглубь, вообще не выбираясь наружу. И всё время шли ровно по азимуту — ни отклонения, ни петель.

— Направление какое?

— Аккурат по твоему азимуту, — Сашка кивнул в темноту. — Вдоль промоины идёт, на северо-запад. Проход широкий, местами в полный рост идти можно. Грунт сухой, хвоей засыпан. Ни воды, ни грязи.

Он помолчал, взглянув на спящих у огня ребят, и добавил:

— Там дальше ещё одна каверна есть, вроде этой. Тоже сухая, сосенником перекрыта. Пройти по этим тоннелям можно километра три, а то и больше, пока ветровал не кончится.

Я прижала компас Деда ладонью к груди. Природа дала нам коридор, который вёл ровно по нашему азимуту и скрывал от оптики. Это был не подарок, а шанс, который нельзя было упустить. Я поднялась и посмотрела на отряд. Бойцы были измотаны до предела. Одной ночной передышки и горячей зайчатины было мало, чтобы восстановить тела, пробитые судоро-

гами, холодом и многодневным маршем. Людям нужен был полноценный, глубокий сон, после которого мышцы перестанут гудеть, а головы прояснятся.

— Передать по секторам, — тихо, но твёрдо скомандовала я Сашке. — Сегодня остаёмся здесь. Отсыпаёмся вторую ночь. Набираемся сил на максимум.

Сашка на секунду замер, а потом на его лице расплылась широкая, благодарная улыбка.

— Принял, Валькирия. Насчёт дозоров распределю.

— Смены по два часа, — добавила я. — Очаг не раздувать, только угли поддерживать. Завтра на рассвете снимаемся и идём прямо по этим тоннелям.

Шёпот с приказом быстро пошёл по укрытию. Бойцы восприняли новость о второй ночёвке с глухим, радостным облегчением. Пацаны устраивались удобнее на сухой хвое, подтягивали плащ-палатки и погружались в глубокий, целительный сон. Отряд набирался сил, зарывшись под старый купол бурелома, и готовился к новому, невидимому маршу под землёй.

Глава 4

Утро под куполом наступало тихо. Дневной свет едва пробивался сквозь многократное переплетение сосновых комлей, зависая в полумраке редкими, тусклыми нитями. Я поднялась первой, застёгивая молнию кителя. Старый осколочный шрам на ноге, который вчера едва не скрутило судорогой, сегодня не напоминал о себе — мышцы просохли, онемение из пальцев ушло.

— Рота, подъём! — крикнула я, обходя лежбища. — Сворачиваемся.

Никому не требовалось повторять дважды. Отряд поднялся без шума и суеты, с той выверенной, инстинктивной сноровкой, которая появляется у людей после первых же недель фронта. Прежде чем сделать первый шаг в глубину завала, нужно было уничтожить любые следы нашего пребывания. В лесу «нулевой след» — единственное, что оставляет группу невидимой, если противник пустит по следу поисковые группы. Сашка и двое бойцов первой роты принялись за костёр. Угли, за ночь полностью выгоревшие в сухую серую золу, засыпали сырой чёрной землёй, вывороченной из-под валуна у родника. Каждую горсть плотно утрамбовывали лопаткой, а сверху закладывали сплошным ковром старой, слежавшейся хвои и сухих дубовых листьев. Через пять минут на месте нашей кухни остался лишь естественный, слегка приподнятый дерн — такой же, как везде вокруг. Все потроха и кости от вчерашней зайчатины лежали глубоко под скальным выступом, присыпанные камнем и илом. Ни обрывка стерильного бинта, ни пустой банки, ни соринки. Бурелом снова становился глухим, диким и ничьим. Я перепроверила снаряжение. Медицинский рюкзак плотно сидел за спиной, ремни отрегулированы так, чтобы не хлопать по лопаткам при наклонах. На правом бедре привычно и надёжно оттягивала пояс жёсткая кожаная кобура с Дедовым пистолетом Макарова. Проверила защёлку — застёгнута. Из внутреннего кармана вытащила компас, прикрыла ладонью и щёлкнула крышкой. Зелёные фосфорные точки тускло вспыхнули в полумраке, показывая направление. Нам нужен северо-запад. Я вышла в голову отряда, встав первой перед входом в тёмный древесный тоннель, уходящий под завалы. Сзади пристроился Сашка с автоматом в руках, готовый прикрыть в любую секунду. За ним — Чабрец, державший левую руку в петле кителя, чтобы не нагружать раненое плечо. Дальше цепочкой выстраивались остальные выжившие бойцы третьей и первой рот, замыкал колонну надёжный задний дозор.

— Идём цепочкой, шаг в шаг, — тихо, но жёстко скомандовала я, обернувшись к отряду. — Дистанция два метра. Оружие на предохранитель. Под ноги смотреть, за сучья разгрузками не цепляться. Голос подавать только шёпотом по цепи.

Пацаны молча кивнули. Сорок пять человек смотрели на меня с доверием и суровой готовностью идти за мной куда угодно. Именно столько мы насчитали на перекличке, когда вошли в бурелом. Коротко поправила ремень, проверяя, не будет ли хлопать, и шагнула под древний свод из стволов. Тоннель уходил вглубь ветровала уклоном вниз. Толстые стволы гигантских сосен, упавших здесь не один десяток лет назад, сформировали под землёй сводчатую галерею. Воздух внутри был прохладным, плотным, густо пахнущим давней смолой, прелой дубовой корой и вековой древесной пылью. Под ногами лежал сухой, толстый слой измельчённой хвои, скрадывавший звук берцев намертво. Колонна шла в абсолютной тишине. Сверху, сквозь щели между трёхметровыми брёвнами, лишь изредка проскальзывали золотистые иголки дневного света, выхватывая из тьмы то шероховатый борт сосны, то сплетение мощных, похожих на скальные жилы корней. Мы уходили вглубь древесного лабиринта, окончательно пропадая для внешнего мира. Марш под деревянным панцирем ветровала тянулся уже не первый час. Время здесь теряло смысл: снаружи мог быть день, а тут всё равно царили одни и те же тёмные сумерки, густо пропитанные давней смолой. Тоннель постоянно менял высоту. Кое-где поваленные гигантские сосны упирались друг в друга комлями, выстраивая

высокие, под три метра, своды, где можно было идти в полный рост, лишь слегка пригибая голову. В других местах панцирь из нескольких слоёв стволов проседал почти к самой земле. Тогда приходилось сгибаться, протискиваясь боком через узкие лазы между мощными, вывернутыми из земли корнями. Я шла первой, прокладывая путь для всей колонны. Компас Деда лежал в правой руке. Каждые сто-двести метров я останавливалась, прикрывала ладонью и полой кителя металлический корпус и щёлкала защёлкой. Под тканью тускло вспыхивали зелёные фосфорные точки. Стрелка слегка покачивалась и замирала, показывая наш азимут — северо-запад. Под берцами пружинила слежавшаяся хвоя и осыпавшаяся кора. Шаги сорока пяти человек получались глухими, без единого хруста, словно отряд шёл по плотному ковру. Поясница после нескольких часов ходьбы в полусогнутом положении начинала тупо ныть, медицинский рюкзак тяжёлой плитой нависал на плечи, а кобура с Дедовым ПМ ритмично похлопывала по правому бедру при каждом шаге — надо бы закрепить её ремешком к ремню, но сейчас не до этого. Никто в колонне не роптал и не отставал. За мной шаг в шаг шёл Сашка, за ним — Чабрец, затем остальной отряд, и замыкающий цепь задний дозор. Ребят удерживала в строю не только дисциплина, но и надёжная тишина этого укрытия. Дважды за этот день высоко над нами пробивался посторонний звук. Сквозь многометровую толщу старых стволов, ветвей и сухой земли доносился глухой, вибрирующий рокот — над лесным массивом проходили группы ИИ-дронов. Звук их моторов шёл будто откуда-то из чужого мира, бессильно растворяясь в древесном панцире над нашими головами. Наш коридор работал надёжно: ни оптика, ни тепловизоры не пробивали эту толщу. Ближе к концу дня характер тоннеля начал меняться. Своды из поваленных сосен стали расступаться, пропуская всё больше свежего света. Вместо застойного запаха сухой хвои и пыли в проход ворвался чистый, влажный поток наружного воздуха. В нём отчётливо пахло незамерзающей речной водой, сырой осокой и подмороженным илом. Тоннель пошёл на подъём. Деревянный настил над головой истончился, и впереди показался широкий, светлый проём. Я остановилась у самого края завала, подняла левую руку и показала кулак: «Стоп». За мной вся цепь бойцов моментально замерла, прижавшись к стволам и скрывшись в тени. Я осторожно высунулась из-под последнего соснового комля, щурясь от яркого вечернего света. Бурелом кончился. Мы вышли на край небольшой поляны, зажатой между двух крутых скальных гряд. Поляна плавно спускалась к берегу широкого, тихого лесного ручья. Здесь висела тишина — глухая, чистая, без малейшего признака чужого присутствия или визга моторов. И прямо в центре этой поляны, метрах в пятнадцати от нас, стояли двое. Мужчина и женщина лет пятидесяти. На них были куртки из плотного сукна с шитым орнаментом по подолам, подпоясанные широкими кожаными ремнями, и прошитая мехом обувь. У мужчины за плечом висело потертое охотничье ружьё. Они стояли у самого уреза воды, застыв от неожиданности. За моей спиной у бойцов моментально сработал рефлекс профессионалов. Увидев посторонних, пацаны вскинули автоматы. Над поляной сухо и резко прошёл слитный металлический щелчок передёргиваемых затворов. Я, стоящая первой перед выходом, мгновенно выбросила вверх левую руку с раскрытой ладонью:

— СТОП! — отсечно скомандовала я. — Не стрелять!

Затворы замерли. На поляне образовалась невыносимая пауза. Пожилая пара стояла не шевелясь, глядя на меня — девушку в каске, камуфляже с налепленными сухими листьями и пистолетом на поясе, за которой из-под древнего бурелома выходила группа замаскированных солдат. И вдруг из густого кустарника у самого уреза воды, где стоял невидимый до этого человек, раздался короткий, растерянный, срывающийся на крик голос:

— Кира?!

Слово повисло в воздухе, как разрывная пуля. Сердце в груди сначала замерло намертво, а затем забилось с сумасшедшей, тупой силой. Я застыла с вытянутой вперёд левой рукой. Воздух в лёгких застрял тугим, горячим комом. Все звуки вокруг — гул осеннего ветра в кронах, шуршание воды у берега, тяжёлые выдохи сорока пяти бойцов за моей спиной — в

одну секунду перестали существовать. Осталось только это одинокое слово, отдавшееся гулким эхом в глубоких скальных грядах лощины. Пальцы на поднятой ладони мелко задрожали. Я медленно, преодолевая сопротивление онемевших шейных мышц, повернула голову в сторону густого прибрежного кустарника, откуда донёсся голос. Ветви с треском расступились. Из зелёнки на открытый берег пробился человек. На нём была такая же куртка-парка из плотного серого сукна с аккуратной шитой окантовкой по подолу, подпоясанная широким кожаным ремнём, и прошитые суровыми нитями меховые торбаса на ногах. Одет он был добротно, чисто и тепло. Человек стоял, опираясь обеими руками на ухватистую, вытесанную из гладких осиновых жердей четырёхногую раму — самодельные деревянные ходунки. Четыре опоры надёжно упирались в сухую осоку, но весь его корпус был сильно наклонён вперёд. Он переносил весь вес тела на руки, тяжело и скованно переставляя ноги, словно спина не держала привычного баланса. Аккуратно подстриженная короткая бородка, расчёсанные волосы, ровный, здоровый цвет кожи на щеках. Перед нами стоял человек, которого месяцами выхаживали в тепле, кормили горячей сытной едой и берегли. Он поднял лицо. Его глаза — светлые, широко распахнутые от глухого, ошеломлённого шока впились в меня. Это был Димка. Мой младший брат Димка. Тот самый, ради которого я бросила родную подстанцию скорой помощи, ушла из города, подписала контракт и прошла через весь этот кошмар. За моей спиной хрустнула ветка. Чабрец, удерживавший раненое плечо здоровой рукой, подался вперёд через комель сосны. Его лицо вытянулось, а губы вытолкнули сорванный, свистящий шёпот:

— Скоровский?.. Димка, ты живой?!

По рядам сослуживцев, стоящих у края Бурелома, пошёл глухой, ошарашенный шёпоток. Бойцы третьей роты, служившие вместе с Димкой до того самого сурового февраля, узнали своего боевого товарища. Стволы автоматов за моей спиной плавно пошли вниз. Кто-то шумно выдохнул, и напряжение рухнуло. По рядам прошёл слитный, сухой металлический щелчок — пацаны возвращали переводчики огня на предохранители. На лицах проступило узнавание и тихое облегчение. Пожилой охотник у воды окончательно опустил ствол своего ружья в землю, переглянулся со своей женщиной, и в их взглядах пробилось тёплое, спокойное понимание. А Димка замер в десяти шагах от меня. Он крепко сжимал гладкие перекладины своих деревянных ходунков, дыша часто и глубоко, и смотрел на меня. На мою каску с налепленными сухими дубовыми листьями, на измазанный сосновой смолой китель, на тяжёлую кобуру с пистолетом Макарова на ремне и на плотный медицинский рюкзак за плечами. Он смотрел на меня — свою старшую сестру, которая привела к нему сквозь непроходимый бурелом почти полроты выживших солдат. Я медленно опустила дрожащую руку. Пальцы коснулись сухой ткани брюк. Над лощиной висела небывалая тишина, и только осенний ручей тихо журчал по камням, унося ледяную воду вглубь леса.

Глава 5

Я сделала первый шаг. Берцы мягко ступили на сухую, примятую осоку у самого уреза воды. Расстояние между нами — эти десять шагов, я преодолела за несколько секунд, не чувствуя под ногами земли. Димка стоял, крепко сжимая гладкие осиновые перекладины своих ходунков. Он навалился на них всем весом, дыша часто и тяжело. Он был выше меня ростом, даже чуть накренившись на своих деревянных опорах. Я подошла вплотную, шагнула впритык к раме и обняла его за шею, с силой прижавшись лицом к груди, к жёсткой ткани его суконной парки. Штампованная бронеплита моего жилета упёрлась ему в рёбра, каска съехала на затылок, цепляясь налепленными сухими листьями за его плечо, но ни он, ни я этого не замечали. Димка оторвал правую руку от перекладины ходунков, обхватил меня за спину, прижав к себе с такой силой, что затрещали ремни разгрузки. Слёзы пробили меня градом. Я еле сдержалась, чтоб не разрыдаться на всю окрестность. Горячие, частые капли потекли по щекам, вымывая светлые полосы на моей коже. Вся та окаменелая тяжесть, которую я тащила в себе от самой подстанции скорой помощи, через сгоревшие БТРы и ночной марш под буреломом, вымывалась этими слезами. Димка уткнулся носом в моё плечо. Рука его на моей спине подрагивала от нечеловеческого напряжения и захлёстнувших эмоций.

— Кирка… — его голос прорвался сквозь глухой, сдавленный всхлип, смешанный с ошеломлённым, счастливым смехом. — Ты… ты и здесь меня нашла, Кирка! И знаешь что… я первый раз в жизни безумно этому рад, что ты меня нашла! Нашла-таки… Я думал, уже ни тебя, ни батю никогда больше не увижу…

— Нашла, Димка, — шептала я, уткнувшись носом в его щёку, пахнущую чистым печным дымом и сухой шерстью. — Нашла, родной. Всё, тихо… Я здесь.

Мы простояли так, наверно, минуты две. Пацаны за моей спиной молчали, не делая ни единого движения. Когда Димка чуть отстранился, снова упираясь обеими руками в перекладины ходунков и вытирая рукавом глаза, он повернул голову в сторону стоящей у воды пары. Мужчина и женщина смотрели на нас молча. В их прищуренных от яркого света глазах не было ни страха перед вооружёнными солдатами, ни настороженности, только тихое, глубокое сочувствие. Димка взглянул на них, затем на меня и проговорил, слегка коверкая непривычные гортанные звуки:

— Кира… Это Аян и Тына. Они меня зимой в буреломе подобрали, когда я совсем сдал. Выходили. Если бы не они — я бы там и остался.

Димка повернулся к хозяевам, показал рукой на меня и произнёс несколько коротких слов, сопровождаемых простыми жестами:

— Аян, Тына, это Кира. Моя сестра. Сестра пришла.

Тына тихо ахнула, прижав сухие, тёмные ладони к груди, и сделала полушаг вперёд. Аян коротко, уважительно наклонил голову, тронув пальцами край своей суконной шапки. Я повернулась к ним. Слово «спасибо» казалось слишком мелким за то, что они сделали. Я просто приложила ладонь к груди, прямо напротив сердца, и низко, от всей души поклонилась этой пожилой паре. Аян кивнул в ответ — сдержанно, по-мужски, а Тына подошла ближе и ласково прикоснулась сухим тёплым пальцем к моему рукаву. Из-под тени бурелома, придерживая раненое плечо здоровой рукой, медленно вышел Чабрец.

— Скоровский… — прохрипел он, оглядывая Димку с ног до головы, и на его бескровном лице появилось подобие светлой ухмылки. — Живой… А мы тебя в роте ещё в феврале отпели.

— Чабрец? — Димка взглянул на него, и на его лице отразилось искреннее изумление.

Сводный отряд уцелевших бойцов стоял цепочкой у края ветровала. Никто больше не держал пальцы на спусках. Напряжение боя рассыпалось окончательно, и над поляной у безы-

мянного ручья впервые за трое суток висела сухая, настоящая тишина. Мы двинулись следом за Аяном и Тыной, поднимаясь от ручья по пологой, едва приметной тропе, зажатой между двумя крутыми скальными грядами. Димка шёл впереди меня. Он мерно и тяжело переставлял ходунки, наваливаясь на них всем весом при каждом шаге, но шёл сам, без посторонней помощи, привычно выбирая ровные участки между выступающими из земли камнями. Я держалась рядом, в полушаге за его правым плечом, готовая подхватить раму, если она вильнёт на кочке, но Димка держал баланс уверенно, с той въевшейся сноровкой, какая появляется только после долгих месяцев ежедневного упорства. За нами молчаливой цепочкой тянулся весь отряд. Тропа обогнула высокий гранитный лоб, поросший редким сосняком, и перед нами открылась закрытая со всех сторон крутыми сопками широкая котловина. Здесь стояла заимка.

Первое, что ударило в нос — это запахи. Настоящие, забытые запахи жилого человеческого подворья, от которых мы отвыкли за месяцы окопов и блиндажей. Из невысокой трубы над крышей вился тонкий, прозрачный берёзовый дымок, пахнущий сухими дровами и горячей каменкой. Из-за ивового плетня тянуло прелым, сухим навозом и распаренной берестой, а со стороны двора доносился густой дух скошенного летнего сена. Вместе с запахами вернулись звуки, которые в этом лесу казались почти невозможными. За низкой загородкой у сарая тихо копошились куры, изредка издавая сонное, глуховатое кудахтанье. Из бревенчатого хлева донеслось протяжное, утробное мычание коровы — сытое, мирное, гулкое. Ей отозвалась вторая, лениво переступив тяжёлыми копытами по настилу. Отряд за моей спиной замер сам собой. В наступившей тишине было слышно, как кто-то из пацанов шумно, через нос втянул воздух, жадно впитывая этот деревенский покой. Сама избёнка оказалась совсем крошечной. Старые, потемневшие от дождей брёвна глубоко вросли завалинками в землю, перекошенное крылечко из двух ступеней держалось на толстом сосновом пне, а маленькие застеклённые оконца едва поднимались над уровнем мха. В таком домишке троим было не развернуться. Заталкивать туда сорок пять вооружённых солдат в бронежилетах и грязных кителях было нельзя — это значило бы разнести жильё гостеприимных хозяев в щепки. Зато рядом с хлевом поднимался высокий, крепкий сарай под крутой двускатной крышей из широкой лиственничной драни. Под самую крышу вела широкая, сбитая из толстых жердей лестница, упиравшаяся в распахнутый тёмный зев сеновала. Я тронула Димку за рукав парки:

— Дим, спроси у Аяна, можно пацанов на сеновал завести? В хату мы не пойдём, хозяев стеснять нечего. Нам бы только крышу над головой и сухое место.

Димка остановился, повернулся к хозяину и заговорил, сопровождая короткие гортанные фразы простыми жестами, показывая то на распахнутый проём сеновала, то на стоящих позади бойцов. Аян выслушал, морщинистое лицо его разгладилось, и он часто, одобрительно закивал. Старик сделал широкий жест рукой в сторону лестницы под крышу, что-то быстро бросил Тыне, и женщина тут же согласно прижала руку к груди. Я повернулась к Сашке, стоявшему во главе колонны с автоматом за спиной.

— Сашка, принимай бойцов, — негромко, но так, чтобы слышали первые ряды, скомандовала я. — Заводи отряд наверх. Оружие поставить на предохранители, разгрузки и рюкзаки сложить аккуратно в угол. В избу без спроса не соваться, по двору без дела не шарахаться. Соблюдать идеальный порядок и тишину. Пацанам — отдыхать.

— Принял, Валькирия, — шепнул Сашка и махнул рукой назад. — Первая, третья роты — наверх, по одному. Без грохота.

Бойцы потянулись к лестнице. Жерди тяжело и протяжно поскрипывали под подошвами берцев, пока пацаны один за другим скрывались в тёмном проёме под крышей. Оттуда, сверху, сквозь открытый лаз сразу потянуло сухим, накопленным теплом и густым запахом высушенной луговой травы, смешанным с коровьим паром, поднимавшимся из нижнего хлева. Шум наверху быстро затих. Прозвучали глухие удары сбрасываемых разгрузок, сухо зашуршало разминаемое под тяжестью тел сено, и через пару минут над двором снова воцарилась преж-

няя тишина, нарушаемая только ленивым переступанием коров за бревенчатой стеной. Сашка выглянул из проёма, коротко кивнул мне сверху, показывая, что люди разместились, и задвинул широкую деревянную заслонку. Я проводила его взглядом и только тогда повернулась к Димке и ждавшим у крыльца хозяевам. Из низкой трубы над избой пахнуло жаром протопленной печи. Пора было заходить в дом. Внутри старой избы пахло сухим берёзовым дымом, остывающей глиной печи и терпкими, горьковатыми пучками мяты и чабреца, подвешенными под низким потолком на льняных нитках. Я стянула с головы промокшую, тяжёлую каску, бросив её на деревянный пол у порога. Расстегнула верхние пуговицы полевого кителя, сняла разгрузку и аккуратно положила её рядом с медицинским рюкзаком. Наконец-то можно было расправить плечи, с которых спал этот свинцовый груз напряжения. Тына неслышно подошла к низкому дощатому столу, поставила перед нами две глиняные кружки, от которых поднимался густой, горячий пар. Заварка из местных чайных трав мгновенно заполнила комнату тёплым, живым ароматом. Хозяйка кивнула нам, мягко улыбнулась уголками глаз и тихо ушла в тёмный угол за печку, оставляя нас вдвоём. Димка сидел на деревянной лавке, упёршись локтями в колени, и всё ещё не сводил с меня ошарашенных, широко раскрытых глаз. Его четырёхногая рама-ходунки стояла рядом, прислонённая к стене. Он протянул руку, пальцы коснулись моего плеча, словно проверяя, не померещилось ли ему.

— Кирка… — хрипло выдохнул он, качая головой. — А ты-то… ты-то как здесь оказалась? Ты что… неужели за мной потащилась?

Я обхватила тёплую глиняную кружку обеими ладонями, чувствуя, как жар от кипятка проникает в озябшие пальцы.

— Да, Димка, — тихо ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Бросила подстанцию, подписала контракт и за тобой пошла.

Димка судорожно вздохнул, закрыв лицо ладонями, а потом вдруг сдавленно, счастливо рассмеялся сквозь слёзы, которые снова брызнули из его глаз. Он опустил руки и посмотрел на меня с тем самым знакомым с детства мальчишеским упрямством:

— Я же тебе миллион раз говорил… на гражданке ещё… перестань за мной таскаться, не опекай меня, как маленького! Я взрослый уже! — он перевёл дыхание, уголки его рта дрогнули в горьковатой, но светлой улыбке. — А сейчас сижу и думаю… какой же я дурак был. Как же здорово, Кирка, что ты меня никогда не слушала. Если бы не ты…

Он не договорил, сглотнув подступивший к горлу ком. Я молча протянула руку и крепко сжала его пальцы. И в этот момент взгляд Димки случайно упал на мой воротник и плечи. Он замер. Его брови сошлись на переносице, глаза сузились, разглядывая пришитые к камуфляжу тканевые нашивки.

— Погоди… — он резко подался вперёд, вглядываясь в чёрные просветы с двумя поперечными лычками. — Кира… Это что? Ты — младший сержант?

Я кивнула, чуть опустив глаза. Димка откинулся назад на лавке, ошеломлённо разинув рот, и оглянулся на дверь, за которой вверху, на сеновале, отдыхали бойцы.

— Подожди… То есть ты… Ты здесь командир?! Ты этой ротой бойцов командуешь?! — в его голосе смешались дикий, ошарашенный шок, сумасшедший пацанский восторг и такая глубокая, щемящая гордость, что у меня у самой защипало в носу. — Ничего себе… Моя сестрёнка… Командир!

— Тихо ты, — улыбнулась я, толкнув его плечом. — Не рота, а сводный отряд. И командовать там особо некому было — всех старших перебило. Дед, Кочегар, Утес погибли. А я, как придём в расположение, передам уцелевших Ворону, и буду дальше опять свои боевые задачи выполнять. А тебя, Димка, ждёт длительное лечение в госпиталях. Я командованию спать не дам, но тебя вылечат.

Димка покачал головой, всё ещё не веря происходящему, а затем его лицо постепенно посерьёзнело. Он взял кружку, сделал большой глоток горячего отвара и тяжело выдохнул, глядя на огонь в печи.

— Рассказывай, Димка, — попросила я тихо. — Что тогда, в феврале, случилось? Мы ведь с отцом с ума сходили. Ни вестей, ни данных.

Холодный пот выступил у меня на спине, стоило ему начать вспоминать. Димка помолчал, собираясь с мыслями, и заговорил глухим, ровным голосом:

— Нас тогда накрыло страшно. Артналёт шёл такой, что земля с небом мешалась. Взвод раскидало по всему лесу в первые же минуты. Я пытался уйти к своим, зацепился за корень, потерял автомат… Вышел на замёрзшее болото. Зима была лютая, лёд держал крепко, я перебежал на ту сторону, думал — оторвался. А потом сунулся в этот древесный завал, в бурелом. Хотел срезать путь. Пока шёл под брёвнами, оступился на комле и полетел спиной. Спину пробило резкой болью. Я думал — всё, конец. Лежал там какое-то время, замерзал. А потом… потом Аян проверял свои охотничьи тропы, услышал меня, вытащил из-под бурелома и притащил сюда. Они с Тыной меня выходили.

Я молча кивала, запоминая каждую деталь, и чувствовала, как внутри всё сжимается от одной мысли, через что ему пришлось пройти в том тёмном лесу.

— А почему здесь так тихо? — спросила я, кивнув на потолок, за которым угадывалось пустое, безопасное небо. — Дронов совсем не видно. Мы шли — вверху гудели, а здесь — тишина.

— Скалы вокруг глушат всё, — ответил Димка. — Мобильная связь, радиосвязь и интернет пропадают наглухо. Я тут ни одного дрона не видел с февраля. Для них этого места как будто не существует.

Я молча кивнула, запоминая: скальная чаша, мёртвая зона для дронов. Это значит, нам не нужно уходить немедленно. Можно дать отряду хотя бы сутки.

— Ну-ка, встань, — скомандовала я профессиональным тоном фельдшера. — Спину проверим.

Димка упёрся руками в стол, аккуратно, скрипя зубами от напряжения, перенёс вес на свои деревянные ходунки и выпрямился, насколько позволял позвоночник. Я зашла ему за спину, засунула пальцы под сукно парки, осторожно прощупывая остистые отростки позвонков от поясницы до лопаток. Проверила чувствительность в ногах, попросила пошевелить пальцами и напрячь икроножные мышцы.

— Ну что? — с надеждой спросил он, обернувшись.

— Не всё так плохо, Дим, — сказала я, выпрямляясь. — Компрессионный перелом. Позвонок, скорее всего, сплющен, но спинной мозг не задет — иначе бы ты ногами не шёл. Но пешком тебе нельзя, и переноска тяжестей — тоже. Любой рывок или спотыкание — и можно остаться парализованным.

Димка помрачнел, опуская голову:

— Знаю. Я обуза для вас буду.

— Никакая ты не обуза, — жёстко оборвала я его. — Завтра с утра соберу парней. Сделаем крепкие носилки. Будем нести тебя по очереди, посменно, по четыре человека. Темп не потеряем, донесём до своих.

Он посмотрел на меня долгим, влажным взглядом, в котором смешались благодарность, стыд и та самая безусловная братская любовь, ради которой я прошла сквозь этот ужас. В углу за печкой Тына зашуршала берестой, подбрасывая в огонь сухие щепки. За окном избы густые сумерки окончательно превращались в чёрную, непроглядную октябрьскую ночь. Я посмотрела на старые, перекошенные балки потолка, на стены, вросшие в мох, на спасительную печку, давшую кров моему брату. Отряд отсыпался наверху, набираясь сил перед дорогой. Но уходить отсюда, оставив этих людей в разваливающейся халупе, было нельзя. Ещё не факт, что Аян и

Тына переживут ещё одну зиму в этой щели. Решение уже вызрело. Завтра утром бойцы возьмут топоры. Мы не уйдём отсюда, пока не срубим Аяну и Тыне новый, крепкий, пахнущий смолой сосновый дом.

Глава 6

Утро пришло прозрачное, чистое и морозное. За ночь густой иней облепил плоские плахи ивового плетня, прошёл белой солью по пожухлой осоке у ручья и затянул тонким, слюдяным ледником края стоячих луж на тропе. Воздух был до того пронзительным, что каждый вдох обжигал лёгкие сырым холодом. Из невысокой трубы над крышей избёнки ровным, синеватым столбом поднимался берёзовый дымок, уходя прямо в ясное октябрьское небо. В хлеву гулко, лениво переступали коровы тяжёлыми копытами, тянуло сухим навозом, тёплым скотным духом и распаренной берестой. Я стояла у подножия деревянной лестницы, ведущей на сеновал. Пацаны спускались по одному. За ночь, проведённую на сухой, пахнущей луговыми травами подстилке, люди окончательно оттаяли. В их движениях ушла та скованность и судорожная дёрганость, с которой отряд вырывался из болотного мешка. Лица просохли, выпрямились спины, и появилась упрямая уверенность, что жизнь подарила реальный шанс выжить. Когда возле меня собрались командиры и бойцы — Сашка, Чабрец и остальные ребята из обеих рот, — я оглядела их выцветшие, вымазанные в сосновой смоле кителя и негромко проговорила:

— Разговор есть. Хозяева заимки нашего Димку зимой полумёртвого из-под бурелома вытащили. Месяцами выхаживали, отварами отпаивали, делились всем, что было. Вы избу их видели — она завалинками в мох ушла, брёвна трухой изошли, крыша на сосновых подпорках держится. Наш долг — этим людям поклониться. Никуда отсюда не уходим, пока новый дом Аяну и Тыне не срубим.

Сослуживцы молча переглянулись. Сашка поправил ремень автомата, крутнул головой и коротко, задорно ответил:

— Дело говоришь, Валькирия. Не по-людски будет уйти и стариков в развалюхе бросить. Руки у нас есть, топоры найдём. Срубим дом — да такой, чтоб ещё пятьдесят лет простоял.

Солдаты подхватили идею с глухим, одобрительным гулом. Возможность взяться за честный, понятный человеческий труд после недель грязи, крови и бегства по болотам подействовала на отряд лучше любого отдыха. Парни засучивали рукава, в глазах появился правильный, рабочий азарт. Я позвала Димку. Он выбрался из сеней на своих деревянных ходунках, мерно и ухватисто переставляя четырёхногую осиновую раму по твёрдой, подмороженной земле. Мы подошли к Аяну, который стоял у поленницы с вязанкой берёзовых дров. Димка остановился, навалившись грудью на перекладины, и заговорил с хозяином, сопровождая слова простыми, доходчивыми жестами. Он покачивал руками, показывал в сторону высокого сосняка за ручьём, очерчивал в воздухе контуры венцов и прикладывал ладонь к брёвнам старой избы:

— Аян… Лес… Сосна валить. Дом… новый дом рубить. Мои друзья. Все срубят.

Пожилой человек сначала не понял. Он насупился, переводя суровый, прищуренный взгляд с Димки на стоящий на дворе отряд. Но когда Димка ещё раз показал на бревенчатые стены и провёл ладонью от земли вверх, до Аяна наконец дошёл смысл. Он замер. Вязанка дров едва не выпала из его рук. Он долго смотрел на бойцов, на их руки, на меня, а потом медленно, по-мужски тяжело и низко нагнул голову, выражая глубокое, негласное признание. Но уже через минуту хозяйская жилка взяла в Аяне верх. Он сбросил дрова у поленницы, молча развернулся и деловито шагнул в хлев. Через пару минут оттуда показался Аян, ведя на натянутой верёвке упитанного, годовалого бычка. В правой руке он держал длинный, с широким обухом забойный нож. Из хатки, на ходу поправляя платок, торопливо выбежала Тына с деревянным ушатом и глубоким ведёрком. Я мгновенно оценила обстановку — Аян двигался привычно, без суеты, всё было знакомо ему до последнего движения.

— Сашка! — позвала я. — Двух парней покрепче — к Аяну. На забой и разделку туши. Чтобы со шкурой и с мясом помочь, одному тяжело будет.

Двое деревенских ребят из первой роты тут же шагнули из строя, подхватили свои ножи и поспешили за Аяном за сарай.

— И ещё двоих — к Тыне, — добавила я, поворачиваясь к хозяйке. — Воду из ручья таскать ушатами, картошку выгребать из погреба. Всё, что скажет — пусть делают, работы будет много.

Ещё двое бойцов подхватили у стены хатки пустые вёдра и подбежали к Тыне, которая только всплеснула руками от неожиданной подмоги, радостно запричитав на своём языке.

— Понял, Валькирия, — коротко кивнул Сашка. — Двоих к Аяну, двоих к Тыне. Остальное — по плану.

Теперь оставалась главная задача — лес. Сашка под предводительством Димки вытащил из хозяйского сарая то, что удалось найти: два широких плотницких топора, старую, но ещё острую двуручную пилу с широким зубом, мотки прочной дёгтярной верёвки и пару железных скобелей для ошкуривания. Бойцы достали свои сапёрные лопатки, заточенные до бритвенной остроты ножи и топорики из подсумков.

— Слушать приказ по заготовке! — громко скомандовала я бригаде вальщиков, перед тем как они двинулись к ручью. — Вся валка, обрубка сучьев, раскряжёвка по длине и ошкуривание стволов — строго там, на склоне за ручьём! Во двор Аяна тащить только чистые, белые брёвна. Чтобы усадьбу корой, хвоей и мусором не захламлять. Поняли?

— Принял, Валькирия! — отозвался Сашка, закидывая пилу на плечо. — Сделаем в лучшем виде. Двор будет чистый, как у генерала на плацу.

Бригада вальщиков зашагала через поросшую осокой поляну в сторону хвойного леса, где поднимались стройные, ровные, как корабельные мачты, вековые сосны. Подошвы берцев гулко и сухо хрустели по подмороженному мху, а над плечами парней поблескивала на утреннем солнце заточенная сталь инструментов. Строительство нового дома начиналось. Из-за ручья, с высокого соснового склона, уже через полчаса долетели первые гулкие, частые удары топоров. В сухом морозном воздухе они отдавались звонким, металлическим эхом, расходясь по всей окрестности.

Тюк… тюк… ух! — и следом, перебивая слитный стук, прошёл протяжный, пронзительный скрип двуручной пилы. Через минуту вершина старой корабельной сосны на фоне синего неба качнулась, пошла вбок, и над лесом пронёсся оглушительный сухой треск ломающихся нижних сучьев. Дерево с глухим грохотом рухнуло на подмороженный мох, осыпав подлесок тучей хвойной пыли. Вся работа шла строго там, на склоне перед ручьем. Бойцы работали сноровисто, разделившись на звенья. Одно звено валило ровные стволы — строительный лес, второе мгновенно обрубало своими топориками сучья, а третье, орудуя заточенными скобелями и сапёрными лопатками, сдирало со стволов жёсткую верхнюю кору. Сосновая живица выступала на свежих срубах крупными, прозрачными каплями, пахнущими так густо и пряно, что этот аромат перебивал утренний мороз. На прогалину заимки вытягивали на деревянных слегах уже чистые, ослепительно белые, ошкуренные брёвна, с которых не осыпалось ни единой чешуйки коры. Во двор Аяна на самодельных волокушах из берёзовых жердей тащили уже готовый строительный лафет. Подворье оставалось чистым, без мусора и липкой трухи, как я и приказывала.

Я стояла у крыльца, помогая Тыне разобрать вынесенную из погреба картошку. Парни, назначенные ей в помощь, уже притащили из ручья четыре огромных ушата ледяной воды, заполнив под завязку большой чугун уличного очага. Справа, на широкой деревянной завалинке, сидел Чабрец. Его раненое плечо было туго зафиксировано повязкой через грудь, прижимая руку неподвижно, но сам он выглядел гораздо свежее. Рядом, навалившись грудью на сосновую раму своих ходунков, стоял Димка. Чабрец долго смотрел, как вымотавшиеся бойцы волоком тащат очередное тяжёлое бревно к поленнице, вытирая рукавами потные, перемазанные смолой лица.

— Не по-людски идёт, — вдруг тихо, с затаённой ухмылкой проговорил Чабрец, поворачивая голову к Димке. — Молча пашут, как немые. Без песни да без настроения стропила не встанут, Дим. Есть в доме у старика трёхрядка или гармонь какая?

Димка удивлённо вскинул брови, но тут же коротко кивнул:

— Есть. Аян бережёт, в сундуке лежит. Двухрядка старая, тульская.

— Неси, — коротко кивнул Чабрец. — Делать веселье будем.

Димка аккуратно развернулся на своих ходунках и скрылся в сенях. Через пару минут он вернулся, держа за плечевой ремень небольшую, но добротную двухрядную гармонь в потертом кожаном футляре. Когда открыли футляр — перламутровые клавиши поблескивали на утреннем солнце, мехи из прочной замасленной лайки были целыми, без единой дырочки. Чабрец взял инструмент здоровой рукой, положил себе на колено, чуть прижал басы — гармонь отозвалась чистым, бархатистым, густым тоном.

— Тимоха! — громко крикнул Чабрец, перекрывая стук топоров за ручьём. — Тимофей, а ну шагай сюда!

Из бригады, тащившей волокушу с бревном, выделился боец первой роты — Тимоха. Он вытер перемазанный смолой лоб тыльной стороной ладони, на ходу расстёгивая ворот кителя, и подошёл к завалинке.

— Тимоха здесь, командир.

Чабрец подхватил гармонь и протянул её Тимохе:

— На. Бери инструмент.

Тимоха замер, переводя взгляд с двухрядки на Чабреца, а затем на бойцов, которые в лесу гнули спины на валке. На его перемазанном лице мгновенно высыпал густой румянец.

— Командир, да вы чего?! — смущённо и возмущённо выдохнул он, отшагивая назад. — Пацаны сосну на пузе тащат, горб гнут, а я тут на завалинке сидеть да пиликать буду?! Меня же засмеют, скажут — сачок, от работы вильнул! Не буду я играть!

— Отставить разговоры! — отсечно, полным командным голосом перебил его Чабрец, строганув бойца тяжёлым взглядом. — Это тебе не свадьба в клубе, а боевое задание. Роте ритм нужен, дух поднять надо, чтоб жилы не рвали. Назначаю тебя главным по музыкальному обеспечению стройки. Выполнять!

На секунду над двором повисла тишина, и только мехи гармошки тихо скрипнули. Тимоха переступил с ноги на ногу, глянул на меня, словно ища защиты, но я только улыбнулась и качнула головой — мол, подчиняйся командиру. Боец грузно выдохнул, бережно взял двухрядку, опустился на край завалинки и накинул ремень на правое плечо. Пальцы его, привыкшие к спусковому курку и рукояти топора, осторожно легли на перламутровые клавиши. Тимоха растянул мехи. Сначала из раструба выскочил короткий, неуверенный писк, но боец поправил инструмент на колене, прошёлся пальцами по басам, и через секунду над заимкой, над речкой и полыхающим сосняком раскатисто, лихо и вольно разнеслась знаменитая, подхватывающая строевая песня. На дворе всё мгновенно изменилось. Бойцы, тащившие бревно, замерли на секунду, вытерли потные лица и дружно, со смехом закричали:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.